

ИНФОРМАЦИЯ О ФАКТЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

В связи с поступлением в редакцию журнала «Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки» информации о заимствованиях в статье С.А. Ганиной «Феномен детства в древней и средневековой Руси: социально-философский анализ» (2011, № 3, с. 66-71) была создана комиссия по проверке. Комиссия выявила факт неправомерного заимствования в статье С.А. Ганиной из ряда научных работ других авторов.

21.06.2016

УДК 316.37

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА В ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© 2011 г.

С.А. Ганина

Российский новый университет (Орехово-Зуевский филиал)

svetla3@yandex.ru

Поступила в редакцию 7.06.2011

Рассматриваются проблемы конструирования феномена детства на примере древнерусской и средневековой культуры. В частности, затрагиваются проблемы периодизации детства, положение ребенка в социальной иерархии общества, его права и обязанности, особенности социализации детей различных социальных слоев.

Ключевые слова: феномен детства, периодизация детства, история детства, ребёнок и общество, социализация.

Осмысление феномена детства приобретает чрезвычайную актуальность в контексте кризисного состояния современной действительности. Антропный кризис, процессы глобализации, модернизационные процессы в мире в социальной и культурной сферах, в политике, экономике, а также системные трансформации мирового сообщества – всё это требует нового углубленного осмысления сущности детства с позиций понимания настоящего и прогнозирования будущего.

В современных гуманитарных, в том числе социальных, науках детство рассматривается как сложный, многомерный феномен, который, имея биологическую основу, тем не менее, опосредован огромным количеством социально-исторических, культурных, экономических, мировоззренческих, психологических, педагогических и других факторов. Хорошо известно, что тот уровень психического развития, которого достигает ребенок на каждом историческом этапе развития общества, не одинаковый, хотя биологические предпосылки остаются абсолютно идентичными. Детство – это период, продолжающийся от новорожденности до полной социальной и, следовательно, психологической зрелости; это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества. При этом продолжительность детства в первобытном обществе не равна продолжительности детства в эпоху Средневековья или в наши дни. Этапы детства человека – продукт истории, и они столь же подвержены изменению, как и тысячи лет назад. Поэтому нельзя изучать детство ребенка и законы его становления вне развития человеческого общества и законов, опре-

деляющих его развитие. Как писал французский историк и демограф Ф. Ариес, одним из первых начавший детально разрабатывать проблему истории детства, «то, как общество воспринимает и воспитывает своих детей, – одна из главных характеристик культур в целом» [1].

Предки древних славян, как и все народы Земли, тысячелетиями создавали особенный уклад жизни в рамках первобытнообщинной социально-экономической формации, земледельческого хозяйства. Характерные черты порядка воспитания детей в первобытном обществе присущи и древним славянам. Однако есть и специфика, обусловленная тем, что славянские племена являлись периферией земноморской и ближневосточной цивилизаций, так называемым «варварским миром».

У древнерусского населения эмпирически сложилась, закрепились и стала традиционной возрастная периодизация, сообщающая определенный порядок, планомерность процессу социализации подрастающего поколения. В Древней Руси бытовали устойчивые возрастные рубежи. Назовем их:

1. До трех лет ребенка называли «дитя» – (первоначальное значение «вскармливаемый грудью»). Этим словом обозначали только малолетних потомков, младенцев [2].

Возраст младенца – это возраст начального материнского воспитания, когда ребенок теснейшим образом связан с матерью.

2. Дети, вышедшие из грудного возраста, назывались на Руси словами, восходящими к корням «молод» и «мал» – молодой, молодича, малец, мальчик и др. По одной из версий, слово с корнем «молод» этимологически связаны со

словами, обозначающими процесс молотбы, обработки, например, зерна. В образном мышлении древних земледельцев процесс воспитания ассоциировался с таким трудовым процессом, как молотба. Необходимость воспитания подчеркивалась ритуалом «пострига»: в три года мальчика подстригают и сажают впервые на коня [3]. Дети этого возраста воспитывались в домашних условиях в атмосфере труда, обрядов, звучащего поэтического слова (колыбельной песни, сказки, заклинания и в окружении магических предметов-игрушек).

3. С 6–7 лет мальчики переходили от женского к мужскому воспитанию и обучению. Их называли «чадо», что значит «начинать», «новый», «недавний». Так в слове отразился новый этап в жизни человека. Действительно, для мальчика как бы начиналась новая жизнь, он выходил из-под непосредственной материнской опеки и готовился к труду под руководством взрослого мужчины, вне дома. Архаичные пласты русских народных сказок позволяют представить организованные формы обучения у древних славян, которые напоминают подготовку детей к инициации в «домах молодежи». Одним из основных методов воспитания были всевозможные испытания: бессонницей, голодом, жарой, искусом нарушения «табу» и т.п. Также с этого возраста начинали овладение грамотой.

4. Подростки 12–15 лет на Руси назывались «отроками» [4]. В древнерусском языке этим же словом обозначали ростки, побеги от основного стебля, ветки, что указывает на образное осознание определенной самостоятельности ребят этого возраста, которые считаются «отпочковавшимися». Этимологически слово «отрок» толкуется как «не говорящий, лишенный дара речи», «тот, кому отказано в праве говорить» в мире, в собрании. Девочки отроческого возраста воспитывались и обучались отдельно от молодых людей. Они традиционно вели особую самостоятельную жизнь внутри своего возрастного класса, коллективно вырабатывали трудовые умения и навыки; те из них, кто уже прошел инициацию, обучали других девушек песням, танцам, комплектовали обрядную одежду, учили мастерству. Отроки, кстати, жили молодежными товариществами, где они учились самостоятельно воспроизводить полученные ранее знания, умения и навыки (охотились, изготавливали снасти, предметы обихода, готовились к военным походам и т.п.).

Уже позже, в контексте христианского мировоззрения, рождение и жизнь человека стали повторять на «человеческом» уровне божественный акт сотворения первого человека

Адама (например, богомильский апокриф «Сказание, како сотвори Богъ Адама»). В апокрифе имеется и своеобразное «расписание» циклов всей человеческой жизни. В частности, дана следующая система: до десяти лет – ребенок («исполнится рождение»), двадцать лет – юноша, тридцать лет – зрелость («свершение»), сорок лет – средовечие, пятьдесят лет – седина, шестьдесят лет – старость и семьдесят – смерть («скончание») [5]. Таким образом, вся жизнь человека распадалась на семь частей, по числу дней, проведенных Адамом в Раю.

Система эта имела несколько вариантов, с разным «шагом» (иногда периоды выделялись не по десять, а по семь лет, и тогда «ступеней жизни» становилось больше), но так или иначе книжный характер её очевиден. Книжное происхождение данного возрастного деления, однако, не означает, что оно не имело никакой связи с реальной жизнью. Во-первых, потому, что произведения, в которых, возможно, оно содержалось, были весьма популярны в народе и читались не только интеллектуальной элитой, но и простой читающей публикой; во-вторых, лексика, используемая в «Сказании» и подобных ему произведениях, – исконная славянская, взятая из повседневного языка.

Многие функции распавшейся родовой организации подхватывает и продолжает развивать в новых условиях малая семья, и прежде всего функция воспитания и обучения подрастающего поколения. Государство взяло на себя оборону страны, территориальная община – отстаивания интересов семьи, а древнерусская семья становится массовой воспитательной ячейкой общества.

В IX–XI вв. крестьянские семьи, объединенные в соседские общины, которые обладали функцией самоуправления, не были в полной зависимости от княжеской власти. Воспитание и обучение детей строились на народной традиции, хранящейся в каждой конкретной семье как наследие родовой культуры. С самого раннего детства ребенок погружался в трудовую атмосферу семьи, становился участником разнообразных дел, втягивался в систему трудовых обязанностей и отношений. Как только ребенок подрастал, начинал твердо стоять на ногах и понимать речь окружающих, его включали в работу. Уже в 4–5 лет девочка помогала сестре сматывать нитки, кормить кур, мальчик учился ездить верхом, гонял скотину на водопой, помогал отцу. Девочки очень рано начинали нянчить младших детей и приобщались к работе по дому. Крестьянский мальчик 7–8 лет уже помогал

отцу на пашне, в заготовке дров, ходил на охоту и учился ставить силки, стрелять и рыбачить. В 10–13 лет подросток мог уже пахать, а к 14 годам – косить, жать серпом, работать топором и цепом, т.е. становился настоящим работником. Юноша в 14–16 лет обучался таким сложным видам работы, как косьба, занимался пахотой, молотьбой, заготовкой дров в лесу. В 18 лет он мог самостоятельно провести сев (а это была самая сложная работа), и с этого времени он считался полноправным членом общества. Помогали подростки семье и своим заработком, нанимаясь на лето в подпаски или отправляя лошадей в «ночное» вместе с группой сверстников. Девочка кроме домашней работы, к которой приобщалась очень рано, начинала с 9–10 лет работать серпом в поле, вязала снопы, полола грядки, теребила лен и коноплю. В 10–12 лет она уже доила корову, могла замесить тесто, стряпала, стирала, присматривала за детьми, носила воду, шила, вязала и делала много другое по хозяйству. В 14 лет девочка жала хлеб, косила траву и работала практически наравне со взрослыми. Следует также отметить, что помимо всего этого она должна была уже заготовить себе приданое. В возрасте 14–16 лет юноши и девушки, пройдя большую трудовую выучку, становились самостоятельными. С возрастом менялись и требования взрослых к поведению молодых людей; при этом юноша был более свободен от родительской опеки, он мог без спросу уходить вечерами, бывать на гулянках. К девушкам отношение было другое: они не могли без разрешения посещать взрослые гулянья, при гостях им положено было вести себя скромно, есть мало, больше молчать [6–8].

Семьи ремесленников-профессионалов концентрировались, как правило, рядом с княжеским детинцем, ища защиты у зарождающегося государства. Они тоже объединялись в братчины, имевшие свое самоуправление. В отличие от крестьянских семей, где детей готовили к многосторонней деятельности, что характерно для натурального хозяйства, в семье ремесленника готовили к определенному ремеслу. В этой среде некогда единый для всех обряд инициаций трансформировался в обряд посвящения в мастера, во время которого общество проверяло уровень подготовки подростков и юношей, одобряло или порицало родителей.

Свои традиции воспитания и обучения детей складывались в семьях княжеско-дружинной части населения. Отцы семейств, профессиональные воины Киевской Руси, проводили большую часть жизни в походах и не имели возможности организовывать воспитание своих

детей силами малой семьи. Этот факт позволяет предположить, что функция воспитания и обучения подростков и юношей осуществлялась в большей мере всей дружинной организацией. Само слово «дружина» с его корнем «друг» имеет много аналогий с терминами, обозначающими сообщество юношей-сверстников, и имеющими отношение к инициациям. У древнерусских дружинников Киева, как части государственного аппарата, было специальное место собрания – «пасынча беседа». Именно здесь осуществлялось посвящение в воины-профессионалы.

Семейное воспитание с необходимостью должно было с ранних лет готовить детей к жизни именно воина-профессионала. Успехи в деле воспитания проверялись на публичных испытаниях. На значительные успехи русичей в воспитании детей указывают раннесредневековые византийские авторы. Так, по словам Иоанна Эфесского славяне за короткое время «научились военному делу лучше самих византийцев». Этому мог способствовать опыт организованного обучения юношей, накопленный в «домах молодежи» первобытности и взятый на вооружение государством. Не случайно члены постоянной княжеской дружины назывались «отроками» (возраст инициантов первобытности). Конечно, в Киевской Руси молодые люди проходили не инициацию, а социальную, государственную по существу, проверку, «экзамены» на зрелость. В данном случае государство в лице князя, жрецов и бояр имело возможность осуществлять непосредственный контроль за ходом семейного воспитания, то есть выполнять функцию, ранее принадлежавшую родовой организации.

Воспитание и жизнь детей в семьях господствующих княжеских слоев с необходимостью отличались от воспитания в семьях крестьян, ремесленников и младших дружинников. Само содержание образования было иным. Старшие дети князей являлись «государственной ценностью» и находились под постоянным наблюдением сановитых родственников. Не только мать, но и целый штат кормилец, мамок, нянек по заимствованной византийской традиции окружали княжича. Сохранялись и древние отечественные традиции, например, отдавать маленьких княжичей на воспитание «кормильцу», каковым нередко являлся «уй» – материнский дядя, брат матери [9]. По сути дела, основными воспитателями и учителями детей русской знати являлись матери и их дядья, а не отцы, которые как бы осуществляли общий контроль за делом воспитания. Известен в древней Руси

семейный обряд «застригания» (пострига) княжеских детей. Этот обряд был связан с обрядом «посаженья» мальчика-княжича на коня, что символизировало переход ребенка из-под опеки материнской на попечение отцовское.

Княжеская светская власть осуществляла контроль над семьей, воспитанием и обучением детей. Она была кровно заинтересована в укреплении этой социально-экономической ячейки общества, идущего по пути феодализма. Родители в законодательном порядке наделяются определенными обязанностями, фактически на семью перекладывается функция родовой общины – подготовка детей к жизни в обществе. Уже «Устав князя Ярослава» предусматривал ответственность родителей за обеспечение детей и устройство их в жизни. Поэтому родители обладали практически абсолютной властью над своими детьми. При этом родители должны были проявлять известную душевную чуткость в употреблении этой властью, не доводить ребенка до отчаянья. Впрочем, можно согласиться с мнением Н.Л. Пушкаревой о том, что в X–XV вв. материнская любовь была «делом индивидуального усмотрения и социально вероятным, хотя, возможно, и не слишком распространенным явлением» [10].

Между тем отличия в психологии родительской любви не означали кардинальных отличий в психологии самих детей. Обычная детвора, служащая контрастным фоном для изображения самоуглубленной серьезности будущего святого в житийной литературе, занимается обычным детским делом – играет. Найденные при археологических раскопках детские игрушки обнаруживают удивительное сходство с современными. Во всяком случае, принцип и тех и других общий: дети играют, копируя формы трудовой и военной деятельности взрослых. В игре проходил процесс обучения навыкам, которые должны были пригодиться подрастающему поколению в будущей жизни. Среди археологических материалов часты находки детских деревянных мечей. Например, в Старой Ладогe найден деревянный меч, длиной около 60 см и шириной рукояти около 5–6 см, что соответствует ширине ладони ребенка в возрасте 6–10 лет. Обычно форма деревянного меча соответствовала форме настоящего оружия данной эпохи. Формы игрушечных деревянных мечей служат датирующим признаком точно так же, как формы мечей настоящих. Думается, широкое распространение меча как детской игрушки может служить косвенным доказательством распространности и настоящих мечей среди широких масс свободных общинников в Древ-

ней Руси. Играя, мальчик набирался опыта владения оружием, который обязательно пригождался ему во взрослой жизни. Помимо мечей в набор игрушечного вооружения будущего воина входили деревянные копья, кинжалы, лук со стрелами и лошадка, сделанная из палки с концом в виде головы коня, во рту которого – отверстия для поводьев. Были также маленькие лошадки-каталки на колесиках, лодочки из коры или дерева и пр. Для девочек, будущих хозяек, изготавливалась игрушечная посуда – это разных типов глиняные горшочки, кувшинчики, сковородочки, копирующие формы столовой и кухонной керамики того времени. Довольно широко известны деревянные куклы, форма которых позволяет предполагать, что их пеленали как младенцев (они не имеют ни рук, ни ног). Кроме игрушек, сделанных как уменьшенные копии «взрослых» предметов, были игрушки, предназначенные не для ролевых игр, а для развлечения, в котором, однако, развивалась ловкость и координация движений. К таким относились волчки-кубари, которые полагалось вращать, поддерживая кнутиком, вертушки, разных размеров мячи, санки и пр. Существенно, что часть найденных игрушек являет собой несомненно продукт ремесленного производства [11]: игрушки специально изготавливались и продавались на рынке, а не просто сооружались из подручных материалов. Родители должны были тратить деньги на покупку хороших игрушек. Это также показывает, что мысль о полном невнимании средневекового человека к нуждам ребенка и непонимании им особенностей детского мировосприятия нуждается в корректировке.

Социальным рубежом окончательного взросления человека на протяжении всего древнерусского периода считалось заключение брака. Другим, не менее важным показателем взрослости было обзаведение собственным хозяйством. По мнению В.В. Колесова, «детинами на Руси называли и пятидесятилетних мужчин, живущих в доме отца, поскольку такой детина не начал жить самостоятельно» [12]. Думается, что имущественный критерий был даже важнее, поскольку взрослость – это прежде всего самостоятельность, а оставаясь в родительском доме, дети не могли иметь права решающего голоса: вся полнота власти принадлежала главе семейства. Поэтому в летописи случаи княжеских свадеб всегда отмечаются и описываются как весьма значимые события. Однако следуют иметь в виду, что действующей политической фигурой князь становится только после того, как получает во владение волость.

Брачный возраст, по современным меркам, наступал рано. В послании митрополита Фотия новгородцам (XV в.) нижняя граница выдачи замуж для девочек определена – 12 лет [13]. Судя по тому, что митрополит запрещает более раннее вступление в брак, случаи такие иногда происходили. В простонародной среде ранние браки были обусловлены хозяйственными нуждами – с появлением невестки в доме прибавлялись рабочие руки. В княжеской среде действовали причины политические. Для юношей обычный брачный возраст наступал позже, чем для девушек, но не превышал 15–16 лет. Подобная же ситуация отмечается исследователями для западноевропейских стран: например, в 12–15 лет брачный возраст наступал и в средневековой Франции.

Таким образом, Древняя Русь не знала столь существенного разрыва между биологическим и социальным созреванием, какой наблюдается в современном мире. Это было связано, еще и с необходимостью включения подрастающего поколения в трудовую и общественную деятельность. Важным обстоятельством было также отсутствие действенных способов предотвратить раннее начало половой жизни, что, с одной стороны, было предосудительно с точки зрения церкви, осуждавшей добрачные связи, с другой стороны, могло повлечь появление на свет незаконнорожденных детей (в условиях отсутствия средств контрацепции это было более чем возможно). После того, как отошли в прошлое древние славянские обычаи соединения брачных пар на языческих праздниках, «бесовых игрищах» и «плясаниях», в обиход вошло сватовство, при котором подбор жениха и невесты, а также достижение предварительной договоренности ложились на родителей брачующихся.

В целом в древнерусский период состояние детства не так резко было отделено от взрослого состояния, как в современном обществе. Обстоятельства гораздо чаще толкали человека к раннему взрослению. Причиной этого, безусловно, является меньшая продолжительность жизни и отсутствие налаженных механизмов социальной поддержки. Оказавшись сиротой, ребенок вынужден был очень рано заступать на место родителей в поле, в мастерской ремесленника или на княжеском престоле, в противном случае ему грозила гибель. Багаж знаний и жизненных навыков, которые человек должен был усвоить перед началом автономного существования, был не столь объемный, как в постиндустриальном обществе. Это также создавало условия для более низкого возрастного барьера

начала взрослой жизни. Все это привело к тому, что общество раннего русского средневековья не знало точного возраста, до которого человек мог, имел право и возможность оставаться ребенком. Не был определен возраст для начала правоспособности, не было четкого понимания периода, в течение которого следовало получать образование, все это появилось гораздо позже. Долгое время граница брачного возраста оставалась единственным институализированным рубежом, который существовал в официальной культуре. Но и он часто нарушался (как правило, без особых трудностей).

Подводя итог, следует отметить, что детство в Древней Руси вполне соответствует средневековой общеевропейской практике. Типологически и стадийно методы социализации на Руси мало чем отличались от тех, что использовались в Западной Европе. Суровая повседневность не исключала привязанности, теплоты и нежности в отношениях между детьми и родителями. Жесткие подчас способы ухода за потомством проистекали не столько из невнимания к потребностям маленького человека, сколько из особенностей бытовой и культурной среды. Родители уделяли воспитанию детей немало времени и сил, хотя часто родительская забота строилась не на рациональных, а на сакрально-магических основах. Детство было короче и жестче, и этим средневековая эпоха существенно отличается от современной. В то же время продолжение рода было главной и непререкаемой целью жизни подавляющей части населения. Высокая детская смертность снижала интерес к личности ребенка, но это искупалось высокой социальной престижностью материнства и отцовства как такового и стремлением во что бы то ни стало оставить после себя потомство.

Список литературы

1. Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 221.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. В 4-х т. М. Прогресс, 1971. Т.3. С. 508–516.
3. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и древнейших терминов общественного строя. М.: КомКнига, 2009. С. 47.
4. Конечный Ф.Ф. К этимологии слова *otrok* / Этимология. М., 1966. С. 54–55.
5. Сказание, как сотворил Бог Адама // БЛДР. XI–XII вв. СПб.: Наука, 1999. Т. 3. С. 96.
6. Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982.
7. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Молодая гвардия, 1986.

8. Николаев В.А. Истоки русской народной педагогики. М. – Орел, 1987.

9. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. С. 195–196.

10. Пушкарева Н.Л. Мать и материнство на Руси X–XVII вв. // Человек кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. М., 1996. С. 330.

11. Древняя Русь. Быт и культура (серия «Археология») / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 114–119.

12. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5-ти кн. Кн.1.: Мир человека/ В.В. Колесов. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 90.

13. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси // От Корсуня до Калки. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 425.

THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN ANCIENT AND MEDIEVAL RUSSIA: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

S.A. Ganina

This paper addresses the problem of designing a phenomenon of childhood by the example of ancient and medieval culture. In particular, it addresses the problems of periodization of childhood, the child's position in the social hierarchy of society, its rights and duties, especially the socialization of children of different social strata.

Keywords: the phenomenon of childhood, the periodization of childhood, the story of childhood, the child and society, socialization.